

Михаил Иверов

Родился в 1969 году в Днепропетровске. Окончил физико-технический факультет Харьковского университета. Стихи публиковались в журналах «Знамя», «Фома», «Просодия», «День и ночь», альманахе «На холмах Грузии» (Тбилиси). В 2014 году в издательстве «Воймега» вышла книга стихотворений «Метехский мост». Живет в Московской области.

СКВОЗЬ МУТНЫЙ ВРЕМЕНИ ПОТОК

Весь в гаджетах, опутан ими сложно,
я подключён к сверхразуму надёжно,
и в самолёте — там, на высоте,
и в лабиринтах метрополитена
я подключён, я человек-антенна,
да только вот сигналы всё не те.

Я криптограмма, человек-пароль,
себя нетрудно выучить, как роль;
когда-нибудь окажемся на воле,
забудем маски, лóгины, пароли,
погаснем, словно свечи на ветру,
забыть-река подхватит поутру
и возвратит нас логосу и речи,
и заново затеплимся, как свечи.

9 мая 2020 года

Весенний день. Товарищ мой
выходит налегке,
в кармане пропуск цифровой,
чекушка в рюкзаке.

Причиной выхода назвал
«семейные дела»
и навестил мемориал,
что на краю села.

Немного выпил на ходу,
как жаль, что без меня,
и в Александровском саду
согрелся у огня.

В электропоезде пустом
ночь майская светла.
Не оставляйте на потом
семейные дела.

Платформа Воронок

Саше Барбуху

Прольёт свой свет болезненный звезда
на всю округу, на Лосиный остров,
вдали прогромыхают поезда,
подъёмный кран, чернеет его остов,
коснётся туч готической стрелой,
и покачнётся ветхая завеса,
и свет лучом покроет аналой
и отойдёт по самой кромке леса.
Умолкнут предвечерние шумы,
дав прозвучать далёкому составу.

...услышу я, как гордые умы
выводят из узилища Варавву.
Всё как всегда, как сотни лет назад:
иные долготерпят, эти судят.
Поверь, Господь, спускающийся в ад,
разбудит нас, о нас не позабудет.
Примчит в карете ангел или врач,
и всё устроит так, как было в детстве,
и снимет боль, и остановит плач,
и в добром с нами будет жить соседстве.
Я отродясь не видывал карет,
но помню времена, когда над нами
«карету скорой помощи» сосед
по телефону требовал ночами.

Уснула Сходня, дремлет Воронок,
и ты уснул, мой добрый собеседник,
и мой парализованный щенок
в буквальном смысле спит без задних ног,
какого-нибудь Царствия наследник.

Юрию Юрченко

Кто воевал под флагами чужими,
тому вернуться некуда, и тот,
уже не важно, при каком режиме,
один из всех, быть может, не соврёт.

Кто умирал в окопе под Мадридом,
кто под Белградом голову сложил,
тому не быть почтенным инвалидом
и не лежать среди родных могил.

Я не был на войне, но вне закона
и я живу — без дома, без корней.
Вернусь ли на истерзанное лоно
прекрасной Новороссии моей?..

В очереди

Хожу отметку ставить в Учрежденье,
в один и тот же тусклый кабинет,
бытует среди нас предубежденье,
что это время тяжкое — о, нет! —

пролистываю лица, словно книгу,
порой, прильнув к стене, почти что сплю,
иль свой нерусский паспорт, как веригу,
в задумчивости тихо тереблю.

Я видел и надежду, и смиренье
в растянутом на годы полусне:
ломались судьбы, рушились селенья,
всё в этих лицах открывалось мне.

Ушла под воду ваша Атлантида,
а вы остались тут, на берегу,
как пена на губах, горчит обида,
давай шаблон заполнить помогу.

Зачем армяне, русские, узбеки,
друг в друге не признавшие врагов,
застряли здесь и, кажется, навеки?
Скажи, в каком из дантовых кругов?..

Другу переводчику

*Вины их не терпят вывоза и скоро портятся,
но на месте они прекрасны.
«Путешествие в Арзрум»*

Есть европейское вино,
того или иного сорта:
мерло, и каберне, и порто,
я охладел к нему давно.

Аборигенная лоза,
прекрасна ты, дичок свободный!
Сокрыт твой предок благородный,
но небо, ноздри и глаза

привыкли к ней: эким кара,
фетяска нягрэ, саперави, —
она в своём, древнейшем праве,
её не кончилась пора, —

в ней есть и дух, и волшебство,
огонь, чтоб мы с тобой согрелись,
её особенная прелесть
милей для сердца моего.

Она для нас такой же дар
(тут пауза, по крайней мере
затем, чтоб вспомнить Алигьери),
как тот, что наш вращает шар

вокруг заржавленной оси.
Не знаю, был бы солидарен
арап и вместе русский барин,
абориген всея Руси,

но всё ж добавлю от души:
и наши плавные напевы,
и наши северные девы
в оригинале хороши.

Филонов

Здорóво, как дела, Филонов?
А мы — свободны наконец,
среди расписанных пилонов
могли быть и твои, гордец...

Молчит, посверкивают зенки,
он голодает пятый день,
он еле жив в своём застенке,
едва отбрасывает тень.

Всё подчинил какой-то цели,
а сам-то ведает — какой?
Душа ещё как будто в теле,
попробуй, шевельни рукой.

[...На воздух, как из карантина,
я вышел давеча во двор,
ударил воздух: цель — картина,
висящая наперекор

и тяготению, и смерти,
вот тут вот, без гвоздя, сама,
я вовсе не шучу, поверьте,
я не сошел ещё с ума...]

...А мне-то здесь какое дело,
прошло без малого сто лет,
жизнь вслед за веком пролетела,
пилоны есть, ответа нет.

1

Сегодня лучший день в году:
тепло, как не было и летом,
как хорошо нам здесь, в саду,
пронизанном неярким светом;
наш годовалый сын уснул
в слегка колеблемой коляске,
а вечер золота плеснул
на остывающие краски.

Кружась, спускаются листья,
ложатся на его плёнку,
танцует мошкара, но ты
вперёд прокручиваешь плёнку,
туда, где сад застав врасплох,
уже подхваченные ветром,
как будто ритмом или метром,
летят снежинки на порог.

И это время в *чистом* виде,
без громких праздников и дат:
деревья, осень, листопад.
Ты в этот сад однажды выйди:
вот женщина в платке твоём
вдали высматривает что-то,
как будто из-за поворота
отец и сын идут вдвоём.

Я до метафор не охотник,
 порой метафора-беда
 ведёт неведомо куда,
 сама, как некий беспилотник¹,
 сквозь *мутный* времени поток.

Но если б не приманка эта,
 что значил бы вон тот листок
 на нити солнечного света
 (иль это паутинки нить?) —
 листок, вращающийся быстро,
 уносит Клязьма или Истра —
 дотронуться, остановить? —
 нет, не листок — блесна на леске,
 закат, весь в ближнем перелеске, —
 из всех метафор я возьму
 ту, непостижную уму,
 но воплотившуюся в слово,
 одну из целого улова.

Она сама тебя найдёт,
 однажды в сердце постучится,
 как в дом, и, может, так случится,
 что ты, как окунь в толще вод,
 следишь за золотистой рыбкой,
 и даже, может быть, с улыбкой,
 но веришь золоту её...

¹Стихотворение написано в 2015 году, тогда слово «беспилотник» еще не употреблялось так часто.